

УДК 82

**Дон Жуан или Мефистофель (двоение вечных образов
в поэтике Н.С. Гумилева)**

Каинова Ольга Александровна

Аспирант,
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
111024, Российская Федерация, Москва, шоссе Энтузиастов, 21;
e-mail: o.kainova@mail.ru

Корниенко Сергей Анатольевич

Аспирант,
Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,
111024, Российская Федерация, Москва, шоссе Энтузиастов, 21;
e-mail: o.kainova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия образов Дон Жуана и Мефистофеля в поэзии Н.С. Гумилева. В стихотворении «Маргарита» образ «насмешника» по умолчанию относят к Мефистофелю, однако под этим словом мог подразумеваться и Дон Жуан. Тема Дон Жуана получила развитие в стихах Гумилева 1907 – 1913 гг., и в ряде стихотворений Дон Жуан соотносится с Мефистофелем. Вечный литературный образ Дон Жуана был важен для Гумилева в том числе и как авторская маска, с которой он отождествлял себя. В одноактной пьесе, посвященной возвращению Дон Жуана из ада, присутствуют намеки на дьявольскую природу Дон Жуана и его сходство с одним из всадников Апокалипсиса. Интерес к образу Дон Жуана у Гумилева вызван тем, что в этом вечном образе мировой культуры поэт видел еще и свою авторскую маску – он отождествлял с Дон Жуаном себя, о чем неоднократно вспоминали его знакомые. Обращение к этому вечному образу является значимым для Гумилева, и подъем интереса к Дон Жуану в его творчестве. Ассоциация «Дон Жуан – Фауст» присутствовала в европейской культуре и до Гумилева, так же, как и другая ассоциативная связь «Дон Жуан – дьявол», однако именно Гумилеву удалось соединить эти два мифа таким образом, что Дон Жуан отождествился с Мефистофелем.

Для цитирования в научных исследованиях

Каинова О.А., Корниенко С.А. Дон Жуан или Мефистофель (двоение вечных образов в поэтике Н.С. Гумилева) // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 239-249.

Ключевые слова

Гумилев, Дон Жуан, Мефистофель, Гете, вечный образ, двойничество.

Введение. Контекст объединения Дон Жуана и Мефистофеля у Н.С. Гумилева

Стихотворение Н.С. Гумилева «Маргарита» явно отсылает к произведению Гете «Фауст» – с первых же слов, когда упоминаются Валентин, его сестра Маргарита, сводница Марта и, наконец, сам Фауст – нетрудно догадаться, к какому произведению мировой литературы идет отсылка. В стихотворении названы по именам все персонажи, кроме ключевого – Мефистофеля, он носит имя «злой насмешник», «насмешник в красном плаще».

Стихотворение «Маргарита»: объединение Дон Жуана и Мефистофеля в один образ

По тексту стихотворения выходит, что вовсе и не Фауст соблазняет Маргариту: Валентин «зовет Фауста», однако автор предупреждает его:

Его нет... Его выдумал девичий стыд;
Лишь насмешника в красном и дырявом плаще
Ты найдешь... и ты будешь убит.

Но если Фауста нет и он – лишь выдумка Маргариты, кто же тогда соблазнил сестру Валентина? В стихотворении ответ дан: это был «насмешник» (это определение Мефистофеля трижды повторено!): он приносит Маргарите серьги и кольца, у него же есть лестница, чтобы попасть в ее комнату. Марта, очевидно, подкуплена им же – насмешником:

Марта гладит любовно полный кошель,
Только... серой несет от него

Опираясь на известный сюжет, Гумилев дает свое прочтение: Фауст лишь привиделся

Маргарите, истинная причина всех ее бед – насмешник, соблазняющий ее драгоценностями, подкупающий ее соседку и тайно проникающий в ее комнату. О том, что насмешник – это сам дьявол, не сказано ни слова: полный кошель Марты пахнет серой, но это вовсе не значит, что передавший деньги – дьявол, вполне возможно, что он просто пришел из ада.

Слово «насмешник» не так часто встречается в обиходной речи и литературе, и в русских текстах оно встречается, в частности, в одном из вариантов перевода названия пьесы «Севильский насмешник» («Насмешник из Севильи») Тирсо де Молины – первым появлением Дон Жуана в мировой литературе [Молина, Тирсо де, www]. Образ Дона Жуана интересовал и Гумилева – в сборник «Чужое небо», в котором опубликовано стихотворение «Маргарита», им включена и небольшая одноактная пьеса «Дон Жуан в Египте», по сюжету которой Дон Жуан возвращается из ада. В аду он «потел от серного огня», а первое, что он хотел бы сделать, придя обратно в мир живых – найти девушку, причем рассуждает он именно в категориях «брат / сестра»:

Теперь на волю! Через вал
Я вижу парус чьей-то лодки;
Я так давно не целовал
Румянца ни одной красотки.
Есть лодка, есть и человек,
А у него сестра, невеста...
Привет, земля, любовных нег
Очаровательное место!

Г.В. Якушева считает одним из прототипов Дон Жуана полумифического Роберта Дьявола – безнравственного соблазнителя, распутника и убийцу [Якушева, 2005]. Таким образом, у Гумилева в роли соблазнителя Маргариты выступает не ученый Фауст – его Гретхен лишь выдумала из стыда – а насмешник / дьявол / Дон Жуан, явившийся из места, откуда пахнет серой. «Дон Жуан в Египте» написан позже «Маргариты», поэтому интертекстуальным пластом стихотворения следует признать не пьесу самого Гумилева, а легенду о Дон Жуане и ее литературные источники. Тогда становится понятным и сравнение несчастного обесчещенного Валентина с Риголетто: в сюжете оперы Верди «Риголетто» дочь главного героя сначала «насмеялась» над ним, как пишет Гумилев, а потом погибла из-за любви к коварному и равнодушному соблазнителю, часто меняющему возлюбленных.

Предшествующий «Маргарите» контекст развития образов Дон Жуана и Мефистофеля в творчестве Гумилева

«Маргарита» Гумилева предшествовала развитию в его творчестве темы вырвавшегося из ада Дон Жуана («Дон Жуан в Египте»), и, вполне возможно, могла послужить отправной точкой для размышлений об образе коварного соблазителя, в котором соединились черты Роберта Дьявола, Севильского Насмешника и гетевского Мефистофеля. У Гете в «Фаусте» нет ни намека на то, что Маргариту соблазняет Мефистофель – он лишь устраивает свидания для Фауста, не гнушаясь убийством матери Маргариты, а впоследствии способствует и смерти Валентина, брата Маргариты. Гумилев превращает его в главное действующее лицо, что, в свою очередь, отсылает к бродячему сюжету о дьяволе-соблазнителе.

«Маргарите» предшествует сонет «Дон Жуан», вошедший в сборник «Жемчуга», в котором присутствует еще одна отсылка к биографии Роберта Дьявола – благочестивая старость. Если легенда о Дон Жуане в одном из вариантов завершается низвержением в ад, то легенда о Роберте Дьяволе имеет иное, более счастливое окончание: главный герой «исправляется» и ведет благочестивую жизнь (либо становится монахом). Впрочем, дон-жуанский миф имеет и такой вариант окончания – веселой молодости наследует благочестивая старость [Андреев, 2009]. У Гумилева Дон Жуан мечтает именно о такой концовке:

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

Репликой к образу Дон Жуана является также стихотворение 1910 года «Он поклялся в строгом храме...», в котором присутствует частичное объяснение поведения повесы: он не находит среди женщин ту, которая будет ему верна, и поэтому «всюду ласки расточает».

В 1910 году Гумилевым создаются три стихотворения, в которых обыгрывается образ Дон Жуана – сонет «Дон Жуан», «Он поклялся в строгом храме...» и «Маргарита». В 1911 году появляется пьеса «Дон Жуан в Египте», написанная в развитие образа. Это окружение также подтверждает высказанную выше мысль о том, что в «Маргарите» под «насмешником» имеется в виду не Мефистофель, а Дон Жуан или его прототипы. Ничто не мешает ритмически использовать имя Мефистофеля в стихотворении: вместо «Злой насмешник в красном плаще» вполне могло бы звучать «Мефистофель в красном плаще», и вместо «Лишь насмешника в красном и дырявом плаще» также ритмически встраивается «Мефистофеля в красном и

дырявом плаще». Гумилев мог бы не упоминать имени дьявола по религиозным соображениям, однако, к примеру, слово «Сатана» встречается в стихотворении 1912 года «Пиза»; слово «дьявол» в раннем стихотворении «Мой старый друг, мой верный дьявол...» и пр.

Можно предположить, что отождествление Дона Жуана с дьяволом возникло именно в «Маргарите», так как два других «дон-жуанских» стихотворения 1910 года обыгрывают религиозность Дон Жуана, что явно не позволяет отождествить его с Мефистофелем:

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

По мнению Т.А. Мелешко, отсылкой к образу Дон Жуана является и упоминание в стихотворении 1909 года «Попугай» распутника, где атрибутом последнего также является плащ (как и у насмешника в «Маргарите»):

едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще

Еще раньше, в 1907 году, Н.С. Гумилев обращался к образу дьявола-соблазнителя в стихотворении «Влюбленная в дьявола», причем у девушки в стихотворении стражами ее чести выступают брат (как у Маргариты) и отец (как в сюжете «Риголетто», упоминаемом в «Маргарите»):

Что за бледный и красивый рыцарь
Проскакал на вороном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцаньи свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в дом,
И зачем был так странно долог
Его спор с моим старым отцом?

Точкой соприкосновения сюжета легенды о Дон Жуане и о Фаусте является также стихотворение «Рондолла» 1913 года: Гумилев стилизует песню, исполняемую под окнами красавицы. В «Фаусте» Гете такую рондоллу поет Мефистофель, который у Гете как бы берет на себя часть функций соблазнителя: он поет девушке песню, он устраивает свидание Фауста и Маргариты так, что Фаусту остается только встретиться со своей возлюбленной.

Соединение сюжетов легенды о Фаусте и легенды о Дон Жуане было предпринято немецким драматургом Христианом Дитрихом Граббе в 1829 году [Граббе, 1829]. В его пьесе «Дон Жуан и Фауст» дьявол, вызванный Фаустом, фигурирует как Рыцарь, а Донна Анна становится предметом любви, как Дон Жуана, так и Фауста.

Развитие сюжета после «Маргариты»: «Дон Жуан в Египте»

Сюжет о двойничестве Дон Жуана и Мефистофеля получает продолжение в одноактной пьесе «Дон Жуан в Египте», завершающей сборник «Чужое небо» (1912). В пьесе Гумилева с самого начала подчеркивается, что Дон Жуан смог избежать адских мучений, которые постигли командора:

Мой командор лежал как пень,
Его схватили, жгли, терзали,
Но ловко я укрылся в тень
И выждал срок в подземной зале.
Когда ж загрезил сатана

С больной усмешкой, с томным взором,
Я подниматься стал со дна
По лестницам и коридорам.
Потел от серного огня,
Дрожал во льдах, и мчались годы,
И духи ада от меня
Бросались в темные проходы.

Казалось бы, Дон Жуану удалось избежать адских мук благодаря своей хитрости, однако в этих строчках многое заставляет задуматься о дьявольской природе самого Дон Жуана. Прежде всего, почему, когда они оба – Дон Жуан и командор – попадают в ад, командора (уже умершего и вернувшегося к живым в ответ на издевательское приглашение Дон Жуана) начинают терзать, а Дон Жуана игнорируют? При этом в большинстве вариантов изложения мифа о Дон Жуане (начиная с Тирсо де Молины) командор, с которым они вместе провалились в ад, не человек, а статуя, что вообще делает его мучения в аду бессмысленными. Убежать удается благодаря тому, что «загрезил сатана», что тоже может быть понято двояко. Либо сатана лично следил за Дон Жуаном, и смотрел, чтобы тот не сбежал (что тоже ставит вопрос о причине такого повышенного внимания), либо сатана – это и есть сам Дон Жуан, и когда он загрезил о земной жизни, он начал «подниматься со дна по лестницам и коридорам».

Кроме этого, обращает на себя внимание еще одна деталь. В религиозном представлении об аде подразумевается, что там жарко и горит огонь. О мучении льдом упоминается у Данте, причем холодным является самый нижний, девятый круг ада, где пребывают предатели. Если Дон Жуан оказался именно в таком аду, который описывал Данте, то ему место на втором круге:

И я узнал, что это круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений

Развратников в этом кругу терзает бурей и сильным ветром, о холоде речи нет. Тем не менее, Дон Жуан пробирается обратно к живым через льды – следовательно, он движется с самого низа ада, куда ему, будь он простым смертным, хода бы не было. В том же описании второго круга Данте отмечает, что каждая душа спускается строго на столько ступеней, сколько положено по ее прегрешению, следовательно, души не могут свободно передвигаться по аду.

Наконец, еще одним аргументом в пользу дьявольской природы Дон Жуана является тот факт, что от него бросались в темные проходы духи ада – словно боясь его. Не потому ли они боятся, что перед ними сам хозяин?

Когда Дон Жуан разговаривает с мисс Покэр, в его рассказе внезапно возникает информация о том, что у него есть конь:

Мой конь — удача из удач,
Он белоснежный, величавый,
Когда пускается он вскачь,
То гул копыт зовется славой.

В Откровении Иоанна Богослова всадник на белом коне также описывается как победоносный: «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить». Существуют различные толкования сущности этого всадника, в том числе его считают самым антихристом. В строфе, предшествующей описанию коня, у Гумилев прямо упоминается эпитет из текста Откровения: «победоносный»:

Победоносная любовь
Нас коронует без короны
И превращает в пламя кровь
И в песню лепет иступленный.

Интересно также, где и как Дон Жуан успел обзавестись конем: в самом начале пьесы он, в соответствии с авторской ремаркой, «выходит из глубокой расселины между плит» – выходит, а не выезжает на коне.

Таким образом, в пьесе присутствуют намеки на мистическую сущность Дон Жуана – он не просто смертный, сумевший вырваться из ада, он представляет собой нечто большее.

Заключение

Интерес к образу Дон Жуана у Гумилева вызван тем, что в этом вечном образе мировой культуры поэт видел еще и свою авторскую маску – он отождествлял с Дон Жуаном себя, о чем неоднократно вспоминали его знакомые. Обращение к этому вечному образу является значимым для Гумилева, и подъем интереса к Дон Жуану в его творчестве Ассоциация «Дон Жуан – Фауст» присутствовала в европейской культуре и до Гумилева, так же, как и другая ассоциативная связь «Дон Жуан – дьявол», однако именно Гумилеву удалось соединить эти два мифа таким образом, что Дон Жуан отождествился с Мефистофелем.

Библиография

1. Андреев В. (сост.) Севильский обольститель. Дон Жуан в испанской литературе. М.: Азбука Классика, 2009. 352 с.
2. Бекасова С.А. Дон Жуан романтической эпохи // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2015. №5. С.21-29.
3. Болтовская Л.Н. К интерпретации образа Фауста в контексте западно-европейской и русской культуры // Христианское чтение. 2013. №3. С.150-164.
4. Гильманов В.Х., Копцев И.Д. «Зона Фауста» в творчестве Гете и Пушкина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. №8. С.65-71.
5. Кулагина А.А. Лирическое я в драматургии Н. С. Гумилева (на примере пьесы «Дон Жуан в Египте») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. №2. С.37-44.
6. Михайленко Е.Н. Образ байроновского Дон Жуана в контексте мифа о грехопадении // Вестник ВятГУ. 2016. №11. С.53-56.
7. Погребная Я.В. Типология интерпретаций образа Дон Жуана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9. Ч. 1. С. 41-45.
8. Тирсо де Молина. Севильский озорник, или каменный гость. Пер. Ю. Корнеева. URL: http://www.lib.ru/INOOLD/MOLINA/molina1_1.txt
9. Черненко И.А. Экспрессионистский «Фауст», или почему Мефистофель опять проиграл пари // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. №4. С.69-93.
10. Якушева Г.В. Фауст в искушениях XX века. Гетевский образ в русской и зарубежной литературе. М.: Наука, 2005. 235 с.

Don Juan or Mephistopheles (the doubling of the everlasting in the poetic of N.S. Gumilev)

Ol'ga A. Kainova

Postgraduate,

Institute of International Law and Economy,

111024, 21, Entuziastov highway, Moscow, Russian Federation;

e-mail: o.kainova@mail.ru

Sergei A. Kornienko

Postgraduate,

Institute of International Law and Economy,

111024, 21, Entuziastov highway, Moscow, Russian Federation;

e-mail: sergeykornienko@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the question of the doublings of the images of Mephistopheles and Don Juan in the poetry by Nikolai Gumilev. The image of the devil is shown as a seducer and lover which corresponds to the Don Juan complex of motives. For example, the poem "Margarita" is devoted to the Goethe's allusions: the images of Margarita, Valentine, Faust are accompanied by the image of "laugher" which could be understood as a seducer Don Juan, who does the same things as Mephistopheles: seduces a girl, sings a song and so on. The image has also some imprinting in other poems: the seducer's complex is also communicated with the image of devil. In the one act dram by Gumilev "Don Juan in Egypt" there are many hints of the devil's nature of Don Juan. These hints reveal the other side of the nature of the eternal images and show the interesting side of the Don Juan motive complex. Interest in the image of Don Juan is due to the fact that in this eternal image of world culture the poet also saw his author's mask. Appeal to this eternal image is significant for Gumilev. The "Don Juan – Faust" Association was present in European culture to Gumilev, as well as the other associative connection "Don Juan – devil", however it was Gumilev who managed to combine these two myths in such a way that Don Juan was identified with Mephistopheles.

For citation

Kainova O.A., Kornienko S.A. (2017) Don Zhuan ili Mefistofel' (dvoenie vechnykh obrazov v poetike N.S. Gumileva) [Don Juan or Mephistopheles (the doubling of the everlasting in the poetic of N.S. Gumilev)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 239-249.

Keywords

Gumilev, Don Juan, Mephistopheles, Goethe, eternal image, doublings.

References

1. Andreev V. (comp.) (2009) *Sevil'skii obol'stitel'. Don Zhuan v ispanskoi literature* [The Seville seducer. Don Juan in Spanish literature]. Moscow: Azbuka Klassika Publ.
2. Bekasova S.A. (2015) Don Zhuan romanticheskoi epokhi [Don Juan of Romantic era]. *Ural'skii*

-
- filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka* [Urals philological herald. Series: Draft: a young science], 5, pp. 21-29.
3. Boltovskaya L.N. (2013) K interpretatsii obraza Fausta v kontekste zapadno-evropeiskoi i russkoi kul'tury [To the interpretation of the image of Faust in the context of Western European and Russian cultur]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], 3, pp. 150-164.
 4. Chernenko I.A. (2016) Ekspressionistskii «Faust», ili pochemu Mefistofel' opyat' proigral pari [Expressionistic Faust, or why Mephistopheles lost the bet again]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies], 4, pp. 69-93.
 5. Gil'manov V.Kh., Koptsev I.D. (2015) «Zona Fausta» v tvorchestve Gete i Pushkina [“Zone of Faust” in the works of Goethe and Pushkin]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University]. 2015. №8. S.65-71.
 6. Kulagina A.A. (2011) Liricheskoe ya v dramaturgii N. S. Gumileva (na primere p'esy «Don Zhuan v Egipte») [Lyrical Self in the drama of Gumilev (on the example of the play "Don Juan in Egypt")]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University. Series: Literary criticism, journalism], 2, pp. 37-44.
 7. Mikhailenko E.N. (2016) Obraz baironovskogo Don Zhuana v kontekste mifa o grekhopadenii [The image of Byron's Don Juan in the context of the myth of the fall]. *Vestnik VyatGU* [Herald of Vyatka State University], 11, pp. 53-56.
 8. Pogrebnaya Ya.V. (2016) Tipologiya interpretatsii obraza Don Zhuana [Typology of interpretations of Don Juan's image]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 9, 1, pp. 41-45.
 9. Tirso de Molina. *Sevil'skii ozornik, ili kamennyi gost'* [The Seville mischief, or the stone guest]. Available at: http://www.lib.ru/INOOLD/MOLINA/molina1_1.txt [Accessed 07/07/2017]
 10. Yakusheva G.V. (2005) *Faust v iskusheniyakh KhKh veka. Getevskii obraz v russkoi i zarubezhnoi literature* [Faust in the temptations of the twentieth century. Goethe's image in Russian and foreign literature]. Moscow: Nauka Publ.
-